

Г.Г. Водолазов

Беседа третья
РУССКИЕ «СОЦИАЛИЗМЫ»: ДРАМА ИДЕЙ
(народнические теории - в современном контексте)

Об ушедших в «мир иной» принято: либо – хорошо, либо – никак. О «социализме» значительная часть пишущей сегодня братии: либо – плохо, либо – очень плохо. Что, по-видимому, означает – «социализм», как теория и идеология, не перешел в разряд покойников. Жив, стало быть, курилка! Его идеи продолжают цеплять, будоражить общественное сознание. Внушая одним – опасения и страх, другим – надежду.

И есть, действительно, какая-то надежда, что он не иначе, как долгожитель. Что у него впереди есть кое-какое (может быть, даже длительное) время и кое-какие (может быть, даже значительные) шансы и возможности. И потому есть смысл хорошенько разобраться с этим понятием и пристально, с пристрастием (хотя и, по возможности, объективно) изучить попытку его воплощения в нашей стране.

Попытка эта, прямо скажем, была малоудачная, не совпавшая с возлагавшейся на нее надеждой основоположников и первых строителей «социализма». Вместо строя социального равенства сформировался строй вопиющего социального неравенства. Сталинско-брежневский «реальный социализм» оказался формацией, где общество было жестко разделено на тех, кому всё доступно и позволено, и тех, кому не позволено ничего – на *бюрократию* («номенклатуру»), обладающую диктаторской политической властью, национализированной собственностью, громадными материальными и культурными привилегиями, и *народ* – трудящийся кто в сфере рабского труда Гулага, кто в полукрепостническом пространстве полуфеодалных колхозов, кто в наемном рабстве у директорско-бюрократического корпуса в индустрии.

История русского социализма (вернее будет сказать – «социализмов» - ибо многие из них страшно далеки друг от

друга, а иногда представляют собой просто антиподов, врагов-антагонистов), эта, повторяю, история (как ранних теорий и революционных практик XIX столетия, так и теорий и практик XX столетия) дает богатейшую пищу для размышлений – почему, с одной стороны, столь печальной оказалась попытка воплощения социалистических идей в жизнь в нашей стране и почему, с другой стороны, у этих идей есть несомненные шансы на будущее, на возрождение и реализацию тех заманчивых идеалов, которые вложили в них основоположники и классики социализма.

В этой статье мы рассмотрим ранние варианты теорий русского социализма. В их содержании, в их судьбе было предзаложено многое из того страшного, что стало, увы, реальностью в сталинско-брежневские времена. Но был в них и ряд удивительных прозрений, позволяющих считать будущее социализма делом отнюдь не безнадежным.

Причудливое переплетение того и другого – света и тьмы, «гения» и «злодейства», замечательных догадок и чудовищных ошибок – всё это найдем мы в теориях и практических действиях раннего русского социализма 60-80-х годов XIX века, получившего название «народнического социализма».

Мы попробуем сопоставить искания народников с учениями их учителей – основоположников русского социализма – Чернышевского и Герцена. А также – пунктиром прочертить их связь с социалистической теорией и практикой XX века.

Итак – о народнических социализмах.

Революционное народничество

Теории и теоретики

Начнем с трех цитат из статей П. Н. Ткачева. «Учитесь! Приобретайте знания! О боже, неужели это говорит *живой* человек *живым* людям. Ждать! Учиться, перевоспитываться! Да имеем ли мы право ждать?» (подразумевается, с революцией). ...«Ведь каждый час, каждая минута, отдаляющая нас от революции, стоит народу тысячи жертв!».

Не пропаганда - наша задача, а «революция, революция не в отдаленном будущем, не «когда-нибудь», а именно теперь», в ближайшем к нам настоящем. «От этого» зависит наше будущее, - будущее семидесяти миллионов страдающего поработанного народа».

«Не ждите же! Делайте революцию, делайте скорее! Всякая проволочка - преступна!»

Красиво, не правда ли? Как это энергично и как это страшно революционно! Бедный оппонент Ткачева! Должно быть, жалкий и трусливый он человек, и, должно быть, плевать ему на 70 млн. страдающего народа, над ним, видно, не каплет.

А вот Ткачев. Хотя над ним лично тоже не каплет, а смотрите, он хоть завтра, да что там завтра,- сегодня, сейчас готов отправиться в бой за эти 70 млн.

Заманчивая позиция!

Но обратите внимание вот на что: первый из приводимых нами абзацев («Учитесь!») писан Ткачевым в 1874 г.¹, второй - в 1875 г.², а третий и вовсе в 1877 г.³ Забавно! «Тянуть преступно!» - кричит нам революционер. Чего же в таком случае вы столько лет тянете? - можно было бы спросить у него. Легко делать «немедленные революции» на бумаге!

И ткачевцам отвечал Лавров - так, как они того заслуживали: «Вы не можете ждать? Слабонервные трусы, вы должны терпеть, пока не сумели вооружиться, не сумели сплотиться, не сумели внушить доверие народу! Так из-за вашего революционного зуда, из-за вашей барской революционной фантазии вы бросите на карту будущность народа?

Года через два народ мог бы победить, он, может быть, был бы готов; но вот, видите ли, русской революционной молодежи невтерпеж. Надо сейчас, сию минуту...»⁴.

«Слабонервные трусы» - это хорошо. Но вообще Лавров слишком всерьез принимает их, полагая, что они в состоянии

¹ См. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т.18, с. 530-531, 533.

² Газета «Набат». Женева, 1875, №1, с. 8,9.

³ «Набат», 1877, № 1-2.

⁴ Лавров П.Л. Избр. соч. на социально-политические темы. Т. III. М., 1934, с. 345.

«бросить на карту будущее народа». Ироничный тон Энгельса здесь больше подходит⁵.

Может быть, кому-то покажется, что Энгельс слишком уж жестоко «разделяет» Ткачева. Ведь что там ни говори, а Ткачев все-таки в прогрессивных журналах писал, и в царской тюрьме сидел, и от карьеры отказался, бежал за границу, где не такая уж сладкая была у него жизнь. Но это, разумеется, детские рассуждения. Энгельс не касается всех сторон общественной деятельности Ткачева. Он рассматривает его как социалиста и революционного теоретика (т. е. так, как сам Ткачев хотел, чтобы его рассматривали) и говорит, что он (Ткачев) никакой не социалист и не революционный теоретик. Вот и все.

Это, разумеется, не препятствовало Ткачеву быть весьма полезным для России общественным деятелем, хорошим журналистом, верным другом, порядочным семьянином, короче, иметь массу достоинств, в число которых только не входят ни социалистические убеждения, ни подлинно революционные взгляды.

А был ли он действительно полезным и какого рода пользу принес он, это мы, в частности, постараемся показать в этой статье, которую мы и задумали посвятить разбору трех основных теорий народничества 70-х годов - **ткачевизма, лавризма и бакунизма**.

Набат Ткачева: к социализму – через заговор революционных героев

Идеал **ткачевистов** - социализм, общественная собственность, коллективное производство, справедливое распределение и т. д. Собственно, это - идеал, общий всем трем теоретикам народничества. Этот идеал они вычитали из книг.

Для Петра Никитича Ткачева действительность – лишь объект деятельности, лишь материал, который надо кроить и

⁵ См. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т.18, с. 537-548.

перекраивать. Действительность для него - глина, из которой можно слепить «идеал», так или иначе появившийся в его голове.

И вот он начинает лепить и кроить (разумеется - мысленно, теоретически, до практики дело не дошло). Итак, что же делать для устройства «идеала»? Это самый легкий вопрос для Ткачева: «Вопрос «что делать?» нас не должен больше занимать. Он уже давно решен. Делать революцию.- Как? Как кто может и умеет»⁶. Ответ этот - своего рода шедевр. Он опять-таки может показаться диким и нелогичным. И опять мы должны вступить за Ткачева: ответ этот более чем логичен, с его точки зрения,- более того, ответ этот во всей красе, во всей своей ослепительной яркости раскрывает перед нами наивно-субъективистское представление о мире. Раз историческая действительность не имеет внутренних источников своего развития, раз она не имеет объективных законов, с которыми должен считаться всякий, подступающий к ней с планами, выкройками, то именно логично заявить: все зависит от портного, крои как кто может.

Но поскольку Ткачев себя считает, видимо, наиболее искусным портным, то он и предлагает план, по которому слепить «идеал» можно «всего скорее».

План этот заключается в том, что «революционное, цивилизованное меньшинство» устраивает тайный заговор и свергает правительство, революция в виде *coup d'etat*.

Впрочем, Ткачев понимает, что захватить Зимний – это захватить лишь одно красивое здание, не больше. Чтобы вместе с Зимним захватить и власть в стране, надо парализовать силы, служившие царю, и силы немалые. Кучка заговорщиков сделать это, конечно, не в состоянии. И вот тогда-то ткачевцам (или, как они себя сами называли, якобинцам) и пригодится народ. «Революционное меньшинство, освободив народ из-под ига гнетущего его страха и ужаса перед властью предержавною (в результате *coup d'etat*. - Г. В.), открывает ему возможность

⁶ Ткачев П.Н. Избр. соч. на социально-политические темы в четырех томах. Т. III. М., 1933. С. 85.

проявить свою разрушительно-революционную силу и, опираясь на эту силу, искусно направляя ее к уничтожению непосредственных врагов революции, оно разрушает охраняющие их твердыни и лишает их всяких средств к сопротивлению и противодействию»⁷. Ткачев советует умело использовать этот момент, когда «его (народа - Г. В.) скрытое недовольство, его подавленное озлобление с неудержимую силою вырвется наружу...»⁸.

Таким образом, народ помогает «революционному меньшинству» закрепиться у власти, и «меньшинство» приступает к перекройке действительности. В этой «работе» народ на роль помощника уже не годится, надо обходиться без него. Ткачев об этом говорит прямо, не стесняясь; он не опускается до лживых, с его точки зрения, речей о «мудрости народа», до фарисейских клятв в любви к нему и т. д. Не опускается, может быть, не столько по честности, которую, однако, мы ни в коем случае не можем ставить под сомнение, сколько по наивности, но факт остается фактом: он не маскирует свои замыслы, он не льстит народу. «Положительные идеалы нашего крестьянства,- пишет он, - строго консервативны («общественный идеал нашего народа не идет далее окаменелых форм его бытия»); - они (идеалы - Г. В.) не могут быть идеалами революции. Самое полное и беспрепятственное применение их к жизни мало или даже несколько не подвинет нас к конечной цели социальной революции - к торжеству коммунизма»⁹. «Народ не в состоянии построить на развалинах старого мира такой новый мир, который был бы способен прогрессировать,- развиваться в направлении коммунистического идеала»¹⁰.

Итак, идеалы народа – не «социалистические». Что же делать? Ждать и способствовать тому, чтобы эти идеалы развивались в «социалистическую» сторону?

⁷ «Набат», 1876, №4, с. 4.

⁸ «Набат», 1876, №2-3, с. 4.

⁹ «Набат», 1876, № 4, с. 2, 3.

¹⁰ Там же, с. 3.

Что вы, тогда бы Ткачев не был Ткачевым, человеком, орудующим над миром. Нет, просто «при построении этого нового мира он (народ - Г. В.) не может и не должен иметь никакого решающего, руководящего значения,- он не может и не должен играть никакой выдающейся, первенствующей роли. Эта роль и это значение принадлежат исключительно революционному меньшинству»¹¹. В чем же заключается эта роль? Вот в чем: «...пользуясь своею силою и своим авторитетом, оно (меньшинство.- Г. В.) вносит новые прогрессивно-коммунистические элементы в условия народной жизни; сдвигает эту жизнь с ее вековых устоев, одухотворяет ее окочевевшие и заскорузлые формы. В своей реформаторской деятельности революционное меньшинство не должно рассчитывать на активную поддержку народа»¹².

Но ведь «сдвигать жизнь с ее вековых устоев» - штука, прямо скажем, адской трудности, удастся ли это ткачевскому «великолепному меньшинству»? И этот вопрос не оставлен Ткачевым без ответа.

В одной из своих статей в «Набате» он смеется над Лавровым, который полагает, что после революции весьма просто «декретировать общественную собственность» и «ввести ее в обычай». Декретировать-то просто, замечает Ткачев, но ввести в обычай... И он не без иронии излагает наивные (и надо сказать, действительно наивные) рассуждения Лаврова о том, что вот-де «соберется «мирской сход», сейчас уже уничтожит (автор, т. е. Лавров, в этом ни на минуту не сомневается) частные запашки, обратит подушные и подворные наделы в общую собственность, отберет у частных лиц и самих же крестьян их движимое имущество, их скот, их орудия труда, их сбережения, объявит, что все продукты частных работ должны принадлежать всем членам общины, распределяться между ними сообразно с их потребностями и т. д. и т. д.»¹³.

«Набат» справедливо смеется над этой иллюзией (ведь

¹¹ Там же.

¹² Там же, с. 4.

¹³ «Набат», 1877, № 1-2, с. 17.

мелкое крестьянское хозяйство в то время действительно не исчерпало своих возможностей!) и назидательно замечает: «...предполагать, чтобы это мог сделать добровольно «мирской сход», сход, в котором будут участвовать кроме массы крестьян, «по своим воззрениям и привычкам к новым порядкам совершенно не подготовленных и не понимающих их», вчерашние собственники, мирские паразиты, – предполагать подобную нелепость, значит – не понимать самых элементарных требований практической деятельности, умышленно отворачиваться от реализма жизни и всецело отдаваться утопии»¹⁴.

«Конечно, практические революционеры, – продолжает назидание Ткачев, – никогда так не поступают, как советует им автор (т. е. Лавров.- Г. В.). Если уже им удастся осуществить первую часть его программы, т. е. захватить в восставших общинах революционную диктатуру, то нет сомнения, что они не пожелают выпустить ее из своих рук до тех пор, пока каждый новый порядок не пустит более или менее глубоких корней в общественную жизнь, пока он не уничтожит всех своих врагов и не завоюет себе симпатий большинства»¹⁵.

Добровольно крестьяне не согласятся на уничтожение частных запашек, на обращение подушных и подворных наделов в общую собственность, говорит «утописту» Лаврову «не-утопист» Ткачев. Но «нет сомнения, что сильная власть, опираясь на некоторую часть восставших рабочих, - может все это сделать».

Сильная власть, которая «все может», - это настоящая *idée fixe* Ткачева. Благодаря ей вовсе не страшны опасности, на которые, в частности, указывает Лавров, такие, как:

1) «остатки паразитов старого общества», 2) «привычки и влечения прежнего времени, широко распространенные в массе» («пережитки», говоря языком XX в.); 3) сами «лица социально-революционного союза, которые; вследствие хода революции, стали властью в общинах и на более обширных

¹⁴ Эту характеристику «Набат» берет из работы самого Лаврова и бьет его – его же оружием.

¹⁵ «Набат», 1877, № 1-2, с. 17.

территориях (и которые - Г. В.) могут поддаться развращающему влиянию своего положения и злоупотребить своею революционной властью или присвоить ее себе в ненадлежащих размерах»¹⁶.

Сильная власть это и многое другое преодолет, и без особого труда. Каким же образом, как? Судя по всему, именно так, как описывает Лавров план своих противников (ткачевистов), план, с которым Лавров решительно не согласен: «Всего удобнее устранить их привычными приемами старого общества: составить кодекс социалистических законов с соответствующим отделом «о наказаниях»; выбрать из среды наиболее надежных лиц (преимущественно из членов социально-революционного союза, конечно) комиссию «общественной безопасности» для суда и расправы; организовать корпус общинной и территориальной полиции из сыщиков, разносящих нарушения закона, и из охранителей благочиния, наблюдающих за «порядком»; подчинить людей «заведомо опасных» социалистическому полицейскому надзору; устроить надлежащее количество тюрем, а виселиц, с соответственным персоналом социалистических тюремщиков и палачей; и затем, для осуществления социалистической... справедливости, пустить в ход всю эту обновленную машину старого времени во имя начал рабочего социализма»¹⁷.

Написав так, Лавров, видимо, полагал, что совершенно убил Ткачева. Наивный человек! Он просто дельно и четко изложил то, что Ткачев вовсе и не думает скрывать.

Захотели скомпрометировать щуку причастностью к реке! Захотели скомпрометировать русских якобинцев намеком на возможность с их стороны государственного насилия, виселиц и т. п.! По мнению Ткачева, важно, *против кого* направлены средства насилия. Ну и что же, что «формы (государства, насилия, принуждения - Г. В.) одинаковы (с реакционными, деспотическими режимами.- Г. В.),- пишет он,- но их со-

¹⁶ «Вперед». Непериодическое обозрение. Т. IV. Лондон, 1876. С. 122.

¹⁷ «Набат», 1877, № 1-2. С. 17.

держание, их основная мысль, оживляющий их дух диаметрально противоположны. Вот почему Мараты, Фукье-Тенвили, Раули Риго возбуждают к себе наше сочувствие и симпатию - сочувствие, симпатии всех честных людей, всех искренних революционеров. А прокуроры и палачи божьих помазанников, конституционных монархов и буржуазных республик вызывают в нас чувство ненависти и презрения. Никто не решится поставить их на одну доску, а между тем внешняя форма их деятельности, та легальная машина, которую одни направляли во вред, другие на пользу общества, были совершенно одинаковы»¹⁸.

Итак, теперь нам понятно, какими средствами бравое меньшинство Ткачева намеревалось «сдвигать народную жизнь с ее вековых устоев», каким путем собиралось оно «вносить новые прогрессивно - коммунистические элементы в условия народной жизни».

Перейдем к Лаврову.

Лавров: социализм – для народа и посредством народа

Лавристы, так же, как и якобинцы (ткачевцы), признают, что народ к революции и социализму не готов. Но в отличие от якобинцев, они считают, что готовность народа - это дело времени: он должен «созреть», он обязательно «созреет». В противном случае, по их мнению, о социальной революции и говорить не стоит. «Перестройка русского общества,- писал Лавров,- должна быть совершена не столько с целью народного блага, не только для народа, но и посредством народа»¹⁹. Но как это возможно? Как должно осуществиться это «посредством народа»?

Если бы такой вопрос встал перед человеком, желающим понять *объективное* положение дел в обществе, то он, разумеется, обратился бы к анализу общественного бытия России и в развитии его внутренних противоречий, в росте

¹⁸ Там же.

¹⁹ «Вперед». Непериод. обзор., т. I, Лондон, 1873. С. 12.

классового антагонизма искал бы данные, свидетельствующие о том, что именно силой объективных исторических законов, всей логикой социально-политического бытия народ неудержимо подвигается к революции - сплачиваются его ряды, зреет его самосознание.

Не так смотрят на историю субъективисты, и Лавров в том числе. Не в развитии общественных противоречий видят лавристы движущую силу истории. Сознание, мысль, мнения правят миром - вот их точка зрения. И раз мысль доработалась до открытия принципа наилучшего устройства общества, и раз в осуществлении этого принципа наибольшую заинтересованность могут иметь эксплуатируемые, т. е. народ (ввиду предполагающегося улучшения, в первую очередь, его жизни), то, следовательно, задача теперь заключается лишь в том, чтобы растолковать народу, нецивилизованному большинству, что такое устройство общества им выгодно и что ради него стоит выйти на борьбу с властью предрержащими. Цивилизованное меньшинство должно «уяснить народу его истинные (!) потребности, наилучшие средства удовлетворения этих потребностей и ту силу, которая лежит в народе, но им не признана»²⁰.

Народ, таким образом, для лавристов - инертная масса, в которую лишь цивилизованное меньшинство может вдохнуть «душу живу». Поэтому не стоит придавать слишком глубокого смысла словам «посредством народа». «Посредством народа» у Лаврова имеет именно тот сугубо идеалистический смысл, что мысль может воплотиться в действительность лишь *посредством народа*, лишь *через народ* (активное сознание преобразует пассивную материю). Мысль, критически-мыслящие личности - творцы истории, народ - лишь средство, лишь материал. Все это - чистейшей воды волюнтаризм. Правда, нельзя не отметить, что Лавров, будучи эклектиком - в данном случае, к счастью - подчас «забывает» об этой субъективно-идеалистической подоплеке формулы «посредством народа» и в полемике с якобинцами незаметно для себя - и в противоречии

²⁰ Там же. С. 13.

со своими субъективно-идеалистическими взглядами - высказывает немало верных (близких к объективно-научной точке зрения) суждений, когда ему приходится защищать это свое «посредством народа». Нельзя не отметить благотворное влияние этой формулы и на действенное народничество, на народников-практиков: не все схватывали, не все имели время и возможность схватить тонкости метафизических зигзагов мысли Лаврова, а броская, четкая формула «посредством народа», почти совпадающая с лозунгом Интернационала, запоминалась, западала в душу. Но все это происходило, так сказать, по независящим от Лаврова обстоятельствам.

На вопрос же, каким образом цивилизованное меньшинство может внести социалистическую бациллу в темную массу нецивилизованного большинства, Лавров отвечает: путем пропаганды.

Т. е., если Ткачев намеревался вносить эту бациллу средствами насилия, то Лавров - пропагандой: один битьем, другой лаской. Но тот и другой, по сути, стоят на одной и той же *кастовой* точке зрения избранного, цивилизованного меньшинства, толкающего к «социализму» невежественную толпу.

Они были ближе друг к другу, чем им казалось.

Бакунин: к социализму через стихию народного бунта

Третья разновидность народнических теорий – бакунизм (или анархизм).

Бакунисты, в отличие от якобинцев и лавристов, утверждали, что народ русский к революции «всегда готов» (как Онегин к дуэли, иронизировал по этому поводу Плеханов).

Правда, на пути реализации революционной активности народа стоит одно препятствие - «замкнутость общин, уединение... и разъединение крестьянских местных миров»²¹.

Задача по преодолению этого препятствия возлагается бакунистами на *революционное меньшинство*, которое должно «связать лучших крестьян всех деревень, волостей и по воз-

²¹ Бакунин М.А. Государственность и анархия. Цюрих, 1873. Прибавление А. С. 20.

возможности областей... между собою, и там, где оно возможно, провести такую же живую связь между фабричными работниками и крестьянством», убедить их в том, что «в народе живет несокрушимая сила», которая «могуча только, когда она собрана и действует одновременно... и что до сих пор она не была собрана», связать и организовать «села, волости, области по одному общему плану и с единою целью всенародного освобождения»²².

Объективный теоретик знает, что главную часть этой работы по сплочению трудящихся различных цехов, фабрик, районов и областей страны прodelывает экономика - развитие производства (а именно капиталистического производства). Бакунин намеревается выполнить эту задачу чисто политически, путем организаторской деятельности революционного меньшинства.

«...Работа, достойная титанов!»²³ - продолжает иронизировать Плеханов.

Оказывается, и начавший за здоровье народа бакунизм кончает заупокойным причитанием о неспособности этого народа сделать что-либо, пока *цивилизованное меньшинство* не сплотит его, пока оно его не подтолкнет в нужном направлении.

Знакомая нам песня о мыслящем, всемогущем меньшинстве и темном, неподвижном большинстве. И такую программу, как верно замечает Плеханов, предлагает революционному меньшинству человек, который писал, что «нужно быть олухом царя небесного или неизлечимым доктринером для того, чтобы вообразить себе, что можно что-нибудь дать народу, подарить ему какое бы то ни было материальное благо или новое умственное или нравственное содержание, новую истину и произвольно дать его жизни новое направление или, как утверждал... покойный Чаадаев, писать на нем, как на белом листе, что угодно»²⁴. «...Можно ли вообразить более вопиющее противоречие между теоретическими положениями

²² Там же. С. 20, 21.

²³ Плеханов Г.В. Избр. филос. произв. Т.1. С. 163.

²⁴ Бакунин М.А. Государственность и анархия. Прибавл. А. С. 9.

«программы» и намеченными ею практическими задачами?»²⁵ - спрашивает Плеханов. .

Противоречие это любопытно, как свидетельство острой борьбы материалистических и идеалистических тенденций *внутри* одного учения. (Материалистические тенденции заметны и у Лаврова, но у Бакунина они получают большее место и большее развитие).

Ткачевисты, Лавристы, Бакунисты: соперничество «социализмов»

Ну, а теперь, закончив краткое изложение трех систем народнического мировоззрения, мы можем сделать вывод, что при всех их различиях они сходятся в главном, что делает их видами одного рода, что позволяет их все характеризовать, как народничество. Об этом прекрасно сказал Плеханов: «...Общей им всем чертой была вера в возможность могущественного, решающего влияния нашей революционной интеллигенции на народ. Интеллигенция играла в наших (народнических. - Г. В.) революционных расчетах роль благодетельного провидения русского народа, провидения, от воли которого зависит повернуть историческое колесо в ту или иную сторону. Как бы кто из революционеров ни объяснял современное порабощение русского народа – недостатком ли в нем понимания, отсутствием ли сплоченности и революционной энергии или, наконец, полную неспособность его к политической инициативе, - каждый думал, однако, что вмешательство интеллигенции устраним указываемую им причину народного порабощения... Эта самоуверенность интеллигенции уживалась рядом с самой беззаветной идеализацией народа и с убеждением - по крайней мере, большинства наших революционеров - в том, что «освобождение трудящихся должно быть делом самих трудящихся». Предполагалось, что формула эта получит совершенно правильное применение, раз

²⁵ Плеханов Г.В. Избр. филос. произв. Т.1. С. 163.

только наша интеллигенция примет народ за объект своего революционного воздействия. О том, что ... освобождение данного класса может быть его собственным делом лишь в том случае, когда в нем самом является самостоятельное движение во имя своей эмансипации, - обо всем этом наша интеллигенция частью не задумывалась вовсе, а частью имела довольно странное представление»²⁶.

Но, разумеется, ограничиться такой оценкой нельзя. Требуется выявление как тождества, так и различия (внутри тождества).

Внутри общего для народничества субъективистского представления о роли личности и масс в истории, внутри этого общего мировоззрения, так верно очерченного Плехановым, шла яростная внутренняя борьба, которая методично расшатывала это мировоззрение в целом.

Борьба эта шла, как мы уже видели, и внутри одного вида (у лавристов и бакунистов) - как внутреннее логическое противоречие этого вида, и между видами одного рода - как внутреннее противоречие рода.

Мы покажем в дальнейшем необходимость и неизбежность появления такого «рода», как народническое мирозерцание, необходимость и неизбежность «видов» этого «рода» (ткачевизма, лавризма, бакунизма), их борьбы между собой, неизбежность внутренних противоречий каждого из видов, - борьбы, которая была не последней причиной гибели этого рода и появления социалистического мировоззрения нового, более высокого типа.

Мы это постараемся показать, но прежде, - о содержании самой этой борьбы.

X X X

Противники **якобинцев (ткачевистов)** выдвинули три существенных возражения против их (якобинцев) программы.

²⁶ Плеханов Г.В. Избр. филос. произв. Т.1. С. 154-155.

1) Главным доводом бакунистов против якобинцев было утверждение, что если даже якобинцы осуществят государственный переворот, то социализма тем не менее они построить не смогут, ибо власть портит человека, и на смену одной формы эксплуатации придет другая - эксплуатация народа захватившим власть меньшинством. «История показывает нам, - говорят бакунисты, - что каждый раз, когда интеллигентное меньшинство захватывало власть в свои руки, оно всегда угнетало народ, оно надевало на него новые оковы взамен старых, оно систематически убивало в нем всякую инициативу; под тяжким гнетом его мнимых благодеяний масса еще более тупела, еще более теряла способность к самоуправлению». И таким образом, путь, по которому хотят идти якобинцы, - ложный путь, «он неизбежным образом должен привести не к освобождению масс из-под ярма власти, а к новому их порабощению»²⁷. И что-де в случае анархической революции такого не произойдет, потому что анархисты против всякой власти, всякой централизации и всякого насилия. Но оставим пока в стороне анархический идеал безвластия, оставим в стороне противоречие между теорией и практикой бакунистов, организации которых - Альянс или Народная расправа - были организованы как раз по принципу строгого централизма, вплоть до единовластия, деспотизма. И эти «противники насилия» не гнушались в борьбе со своими идейными противниками прибегать даже к «методу физических действий».

Оставим пока это в стороне и остановимся на их возражении якобинцам. В нем есть изрядная доля истины, а именно та, что *в условиях России того времени якобинское революционное меньшинство, оказавшись у власти, превратилось бы в эксплуататорское меньшинство*. Однако обосновать это верное положение анархисты не смогли; более того, пытаясь обосновать, они наговорили столько вздору, что верная мысль почти затерялась в нем. Вот как это произошло. В ответ на

²⁷ «Набат», 1875, № 1. С. 15.

упрек анархистов в неизбежном перерождении меньшинства под воздействием власти, якобинцы с пафосом восклицали, что это поклеп, что они будут умными, добрыми и хорошими и все будут делать в интересах народа: «Разве это меньшинство есть меньшинство буржуазное?.. - горячились они. - Разве его интересы враждебны интересам Народа?.. Чего же вы (т. е. анархисты - Г. В.) боитесь? Какое право имеете вы думать, что это меньшинство - меньшинство отчасти по своему общественному положению, отчасти по своим идеям, беззаветно преданное народным интересам, - что оно, захватив власть в свои руки, внезапно превратится в народного тирана?²⁸».

В ответ на это анархистам надо было бы обратиться к анализу экономической действительности России тех лет и показать, что в условиях мелкокрестьянской страны, где господствует мелкий производитель и где усиливаются буржуазные тенденции, в таких условиях люди, составляющие правящее якобинское меньшинство, либо должны поддерживать буржуазные экономические тенденции (имеющие силу естественного объективного закона) и тем самым «переродиться», превратиться в эксплуататоров народа, либо стушеваться, уйти в отставку, уступив место другому меньшинству, более точно отражающему требования эпохи; и отсюда вывод; что как бы там ни было, *в результате якобинского переворота у власти, в конце концов, должно неизбежно оказаться меньшинство, враждебное народу.*

В подтверждение своих абстрактно-теоретических рассуждений анархисты могли бы сослаться и на исторические примеры, хорошо известные якобинцам (но плохо понятые ими). В частности, они могли бы посоветовать русским якобинцам заглянуть в зеркало французской революции конца XVIII в., в котором наши якобинцы увидели бы себя в образе французских якобинцев.

²⁸ «Набат, 1876, №2-3. С. 7-8.

Те тоже хотели благодетельствовать народ сверху, те тоже намеревались *насилом* решить все вопросы - экономические, политические, религиозные, и тоже мало считались с экономическими требованиями времени. А между тем их политический идеал вовсе не отвечал этим требованиям. И хотя лично Робеспьер и многие его друзья были честными людьми (и если ошибались, то вовсе не по личной корысти), но все же честности и благого желания оказалось маловато для перекройки действительности «по собственному усмотрению».

Экономическое развитие делало свое дело: бурно росли производительные силы, освобожденные от феодальных пут, углублялось расслоение народа, к жизни (и власти) поднималась молодая буржуазия, обогатившаяся и твердо вставшая на ноги именно в годы революции. И эта буржуазия успешно просачивалась в ряды властвующего меньшинства и, в отличие от политических идеалистов Робеспьера и Ко, рассматривала свои государственные местечки в качестве источника дохода. Стоящие на почве экономических интересов, они с оптимизмом смотрели в будущее. И пока политический идеализм правительства Робеспьера, его речи о равенстве, братстве, свободе и т. д. имели успех, эти люди охотно вторили им. Революционная фразеология была для них удобной по тому времени ширмой, за которой шла их действительная жизнь. И постепенно, по мере их усиления, революционная фразеология превращалась в демагогию, а серп революционного правосудия начинал все с большей скоростью косить головы людей, отстаивавших народные интересы. Скосил он и головы Робеспьера, Сен-Жюста, Кутона, которые так и не поняли, где же они ошиблись. А кто же поднимался в то время к высшим правительственным местам, кому переходила эстафета революции? - «Тальену, Баррасу – проконсулам в Бордо и Тулоне, мздоимцам и ворам, искоренявшим контрреволюцию потоками крови, превращаемой ими в золото», «вероломному Фуше - будущему министру полиции Наполеона», «Фрерону - казнокраду и убийце, будущему главарю банд «золотой

молодежи», Мерлену из Тионвилля, мечтавшему о княжеском особняке», «не раскрывшему клюва, пока не придет его час, старому ворону Сиейесу». «Благо отечества», «человечность», «добродетель» - это были пустые слова для всех этих... набивших себе карманы за годы революции и торопившихся насладиться так легко доставшимся им добром»²⁹.

И если бы нетерпеливые русские якобинцы перебили на этом месте возражения анархистов, заметив, что пример с Робеспьером к делу не относится, так как он (Робеспьер) не отменил частную собственность, на которой и произрастала буржуазия, а они (русские якобинцы) отменяют, провозгласят общественную собственность и введут ее в привычку методами государственного насилия, если бы якобинцы так сказали, то анархисты могли бы на это сказать следующее.

Особенной разницы, почтеннейшие, тут нет никакой. Что такое общественная собственность? - Это собственность, принадлежащая всему населению страны. А это, в свою очередь, что значит? - А то, что все взрослые граждане участвуют в управлении этой собственностью и в распределении доходов, получаемых от нее. А что нужно для этого? А для этого нужна демократическая организация всего народа.

А у вас, г. г. якобинцы? Кто управляет собственностью? - Пришедшее к власти цивилизованное меньшинство. Так? А кто распределяет доход? Конечно же, пришедшее к власти цивилизованное меньшинство. Таким образом, получается, что *фактически собственность страны принадлежит вашему, якобинцы, меньшинству; а народ - ваш работник.*

Все это могли бы сказать анархисты в ответ на запальчивый якобинский вопрос, какое право имеют они думать, что меньшинство, захватившее власть, «превратится в народного тирана». Могли бы... Но тогда они перестали бы быть анархистами. А в действительности в ответ на якобинское «какое право...?» они наивно ответили: «всякая власть портит человека» (в качестве примеров нередко фигурировали Цезарь

²⁹ Робеспьер Максимилиан. Избр. произв. в трех томах. Т. I. М., «Наука», 1965. С. 71.

и Наполеон). Высказав такую ребяческую «истину», анархисты лишили себя возможности дальнейшего наступления на якобинцев. Зато якобинцы с готовностью (и с полной, добавим, справедливостью), в свою очередь, восстают против этого утверждения анархистов. И вопрос о тирании меньшинства все больше и больше затемняется и запутывается. Так, якобинцы говорят, что власть нисколько не влияет на человека. Кто был хороший и добрый до революции, тот и после победы останется добрым и хорошим. Что касается Цезаря и Наполеона, то власть в их «порче» не повинна, они и до победы были-де «порченными» людьми.

И спор начинает терять уже всякий смысл.

Таким образом, перед нами две метафизические крайности: одни (анархисты) говорят, что всякая власть портит человека, другие (якобинцы) утверждают, что власть тут не причем и что характер власти зависит от характера человека.

Но эти крайности сходятся в одном: та и другая игнорируют экономическое бытие, уровень культуры людей и их влияние на характер власти.

Верное решение вопроса - другое: власть «портит» человека (т. е. делает его выразителем антинародных стремлений) лишь в том случае, если эта власть в целом становится антинародной, если под воздействием экономических причин она отрывается от народа. Экономика разделяет людей, а не ее политическое следствие - власть.

Но эта истина еще ускользала от народников, хотя и сверкала некоторыми своими гранями в схватке народнических крайностей.

2) Не менее любопытны были возражения **лавристов** против **ткачевской (якобинской)** программы.

«Вам ничего не удастся сделать, потому что... вы перессоритесь... - говорили они якобинцам. – Те, кто боролись вместе против общего врага, будут неизбежно бороться между собою за личное преобладание». «На другой день социалистической диктатуры начнется спор за диктатуру, а

раз он начнется – социальная революция отодвинется на второй план»³⁰.

Правы лавристы! Ведь поссорятся, обязательно поссорятся! Без драки за местечки у, так сказать, кормила власти не обойдется. Во-первых, сами эти представители меньшинства выходят из ада прошлого далеко не святыми, а во-вторых, разведут их различные экономические интересы - ибо борьба экономических интересов в мелкобуржуазной России неизбежна; и экономическая конкуренция неизбежно найдет свое отражение и в конкуренции политической. (Нельзя сбрасывать со счетов и того факта, что в условиях, когда правительство неподконтрольно народу, немалое влияние на форму власти могут оказывать черты характера стоящих на верху общественной лестницы). Результатом таких ссор может быть только то, что действительно задачи революции отодвигнутся на второй план.

И ничего в этом случае не решают софистические рассуждения на тему о разумном эгоизме, - что-де «каждый из них (стоящих у власти – Г.В.) будет видеть свою личную выгоду в том, чтобы удержать власть как можно долее руках своей партии... – чтобы сделать эту власть как можно тверже и могущественней. Ведь от этого будет зависеть их личная безопасность и т. д.»³¹. Не решают потому, что в этом случае мы будем иметь дело с кастовым интересом (правительственного меньшинства), противостоящим интересам всех других общественных групп (корпораций), и если победит интерес правящего меньшинства (чиновничьей корпорации) над интересами других групп (а такой исход в некоторые периоды не есть нечто невозможное), мы получим как раз тесно сплоченное сословие (чиновников), противостоящее народу – в видах личной выгоды.

Так что в любом случае у власти окажется *антинародное меньшинство*.

³⁰ «Набат», 1876, №6. С. 5.

³¹ Там же.

3). И, наконец, последнее, - и, может быть, самое существенное - *взгляд якобинцев на государство и роль государственного насилия* в строительстве нового общества.

Может быть, иной читатель, читая наше изложение взглядов Ткачева на роль государственного насилия, искренне недоумевал, почему это мы с таким неодобрением относимся к этим взглядам. Ведь Ткачев, вроде, был прав: после революции революционеры должны взять власть в свои руки, причем власть эта должна быть твердая и служить народу. Разве это не верно? Разве не верно, что государство – это машина для подавления и что поэтому важно лишь, *против кого* направлена эта машина? И раз якобинцы хотят направить ее против эксплуататоров и в защиту трудящихся, то что же здесь неверного, еретического с точки зрения?

Сейчас мы ответим на этот вопрос. Но прежде, вот что рассказывает почти по этому поводу один писатель в одной книге.

Жила-была одна такая власть, в виде Марьи Алексеевны. И жил под ее началом опекаемый ею «народ», В виде ее дочери Веры Павловны, или просто Верочки. И служила эта власть (Марья Алексеевна) верой и правдой счастью своего народа (то бишь Верочке). Жениха хорошего ей заприметила, и собой недурного и с деньжонками - завидная, короче говоря, партия. Одна беда только, не нравится этот жених дочери: не те у нее запросы и потребности. Но разве может молоденькая неопытная девушка знать свои истинные потребности? Их знает только многоопытная Марья Алексеевна, которая пробует все средства, чтобы уломать строптивую. И бранится, и угрозы в ход пускает, и кулаки даже.

«С ума ты сошла, дура? Смей повторить, мерзавка. Ослушница, - закричала Марья Алексеевна, поднимаясь с кулаками на дочь» - И все это для счастья, все для осуществления истинных потребностей своей дочери. «Я из любви к тебе бранюсь, тебе же добра хочу», - говорит Марья Алексеевна. - «Ты думаешь, я злая. Да, я злая, только нельзя не

быть злой...».

Все знают, как кончилась эта история, описанная Чернышевским в «Что делать?». Девушка вначале прогнала «жениха», а потом тайком от матери вышла замуж и тайком ушла из дома своих благодетелей.

Избави бог от благодетелей!

Но оставим литературные аналогии, ныне все и без того - прекрасно знают, что там, где большинство народа не имеет влияния на власть, там все разговоры о благе народа, о заботе о народе - пустая идеологическая болтовня. И марксизм, подлинный марксизм, говоря о социализме, никогда не разъединял даже в понятии власть и народ.

Не «власть и народ», а народная власть. Не власть, благодетельствующая народ, а властвующий (правлящий) народ (пролетариат) - вот лозунги марксизма. Марксизм - за твердую власть после революции, за сохранение государства, но такого государства, которое по существу есть уже не-государство. В этом соль!

Что же это за «государство - не-государство»?

Как и всякое государство, оно - тоже орудие насилия, но насилия большинства над меньшинством, пролетарского, пришедшего к власти большинства над эксплуататорским меньшинством. А «насилие во имя интересов и прав большинства населения отличается иным характером: оно попирает «права» эксплуататоров, буржуазии, оно неосуществимо без демократической организации войска и «тыла»³².

В этом вся суть марксизма в данном вопросе.

Демократическая организация народа - вот основа государства - не- государства». Без нее государство может быть только орудием в руках тщеславного меньшинства- какие бы народололюбивые слова не вылетали из правительственных канцелярий. К этой мысли часто возвращался Ленин. «Гражданская война, - писал он, - насильственно экспроприирует, сразу и прежде всего, банки, фабрики, же-

³² Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 30. С. 73.

лезные дороги, крупные сельскохозяйственные имения и т. д. Но именно для того, чтобы экспроприировать все это (т.е. действительно, а не на бумаге, не на словах экспроприировать, то есть действительно, а не на бумаге, не на словах передать во владение народу. - Г. В.), надо ввести и выбор всех чиновников народом и выбор офицеров народом и полное слияние армии, ведущей войну против буржуазии, с массой населения, и полную демократию в деле распоряжения съестными припасами, производства и распределения их и т. д. Целью гражданской войны является завоевание банков, фабрик, заводов и пр., уничтожение всякой возможности сопротивления буржуазии, истребление ее войска. Но эта цель недостижима ни с чисто военной, ни с экономической, ни с политической стороны без одновременного, развивающегося в ходе такой войны, введения и распространения демократии среди *нашего* войска и нашего «тыла».

И дальше: «мы в своей гражданской войне против буржуазии будем соединять и сливать народы не силой рубля, не силой дубья, не насилием, а *добровольным* согласием, солидарностью трудящихся против эксплуататоров»³³.

«Без *демократической* организации отношения между нациями на деле, ... гражданская война рабочих и трудящихся масс всех наций против буржуазии *невозможна* (т. е. невозможна в результате такой войны победа действительного социализма. – Г.В.)³⁴. И в заключении: «Иного пути нет. Иной «выход» не есть выход»³⁵ (т. е. иной социализм не есть социализм).

Таким «иным ВЫХОДОМ», который «не есть выход», таким социализмом, который не есть социализм, и была как раз программа русских яacobинцев. «**Казарменным коммунизмом**» - окрестили его Маркс и Энгельс.

³³ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 30. С. 73-74.

³⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 30. С. 74.

³⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 30. С. 74.

Х Х Х

Перейдем теперь к возражениям, которые выставлялись против лавристов.

Как мы знаем, лавристы, в отличие от якобинцев, ставили целью весь народ поднять на борьбу на революцию. Поэтому они за революционную организацию, более широкую, чем кучка заговорщиков из интеллигенции. В их представлении это должна быть организация рабочих союзов, сельских общин, фабричных ремесленных артелей, т. е. организация, приближающаяся по своему характеру к народной массовой партии. .

И то, что через два десятка лет будет реальной (и исполнимой) задачей русской социал-демократии (т. е. создание партии трудящихся), то в условиях 70-х годов, в условиях отсутствия класса пролетариев, в условиях мелкобуржуазной стихии, в условиях, когда крестьянство, «народ» распадается на антагонистические группы, - в таких условиях создание сплоченной, широкой народной организации есть утопия чистейшей воды.

И «реалист» Ткачев высказывает лавристам в связи с этим немало справедливых возражений. Община, на которую уповают лавристы, говорится в № 5 «Набата» за 1876 г., отнюдь не может служить основой для создания массовой социалистической организации. Община вовсе не «рождает дух солидарности», напротив, она «обособляет местные интересы», община «не чувствует ни малейшей потребности вступать в какие-нибудь близкие сношения с соседними общинами». Между общинами развиваются скорее «дух соперничества и конкуренции», чем дух «солидарности и братского единства». И дальше - очень точно и очень верно: когда община «задыхалась и изнывала под гнетом крепостного права, тогда еще возможно было в виду общего гнета объединение сельских рабочих в одну организацию. Но теперь эта чистая утопия». («Набат», 1876, № 5, С. 4.)

Здесь, во всяком случае, есть ощущение того, что прежде единое крестьянство расслаивается. Но вывод, который из этого делают якобинцы (раз массовая партия невозможна, да здравствует узкий, радикальный заговор), этот вывод находится за пределами подлинно социалистических учений.

Таким образом, и в данном случае мы имеем любопытное сочетание: реализм якобинцев - не социализм, а социализм лавристов - не реалистичен, утопия (истина одними гранями соприкасается с учением якобинцев, когда речь идет об оценке текущего момента, и другими - с учением лавристов, когда речь идет о формах социалистического движения).

И если заслугой лавристов было выявление не-социалистического содержания якобинских форм борьбы, то заслугой якобинцев было подчеркивание бессодержательности (нереалистичности, утопичности, абстрактности) пропагандируемых лавристами форм социалистической деятельности.

Вот как, например, якобинцы критикуют организационный план лавристов. Лавристы, выдвигая идею массовой организации, вместе с тем ясно понимают, что в условиях царского деспотизма таковая организация должна быть тайной и, следовательно, без тайного заговора не обойтись. Но подготовка этого заговора сочетается у Лаврова с требованием длительной пропаганды в народе.

Но тут-то Ткачев и указывает Лаврову на противоречие. С одной стороны, тайная организация и тайный заговор, которые не могут рассчитывать на долговечность (ибо тайное быстро становится явным; подготовка заговора не может быть рассчитана на годы; дни и месяцы - вот сроки успешного заговора). А с другой стороны, социальная пропаганда в народе - до тех пор, когда «значительная часть существующих артелей и общин вполне усвоит себе принципы и задачи Социализма», что требует долгих и долгих лет. «Таким образом, - делает вывод «Набат», - та деятельность, которую автор рекомендует революционерам накануне революции, есть деятельность не

только непрактическая, но просто даже невозможная»³⁶. Верно!

Столь же мало реалистичен план деятельности лавристов и «на другой день после революции». Так, Лавров, признавая необходимость взятия революционерами власти и пытаясь в то же время отгородиться от палочного социализма якобинцев, говорит, что революционеры не должны слишком уж часто использовать эту власть, что власть эта должна быть как можно мягче; и вообще не удерживать свою диктатуру на минуту доле, чем это необходимо. Над этим справедливо иронизирует Ткачев: «Вы требуете, чтобы... революционное меньшинство захватило и удержало в своих руках экономическую и духовную диктатуру и, в то же время, вы отнимаете у него самые элементарные, самые существенные атрибуты власти (речь идет, в частности, об органах насилия и т. п.)»³⁷.

И убийственный вывод: «Накануне революции он (Лавров. - Г. В.) обрекает его (революционное меньшинство. - Г. В.) на невозможную деятельность, – на другой день он ставит его в невозможное положение...»³⁸.

Это истинно. Не будем забывать, только, что это все же лишь часть истины, ибо другая ее часть заключается в том, что лавристовские принципы массовой революционной организации, лавристовское отношение к государству все же ближе (по форме) к социализму, чем учение Ткачева. И эта вторая сторона лавризма сыграла роль в критике казарменного коммунизма.

Х Х Х

И последняя проблема: **наука и революция**. Проблема эта имеет много сторон. В полемике 70-х годов она поворачивалась то одной, то другой гранью. В ней было много наивного, объяснявшегося слабым развитием общественных отношений в России: так, всерьез спорили - нужны революционерам знания или не нужны (бакунисты утверждали, что не нужны, так как они-де создают барьер между народом и интеллигенцией,

³⁶ «Набат», 1876, № 11-12. С. 24.

³⁷ «Набат», 1877, № 1-2. С. 20

³⁸ Там же.

мешают их взаимопониманию и т. д.).

Но нередко проблема эта поворачивалась и весьма существенной (и интересной для нас) стороной: «вносить» или «не вносить» - вносить социалистическое сознание в массы или не вносить, в уверенности, что массы и без того социалистичны.

Лавров, как мы уже знаем, был за внесение сознания. Правда, при этом он не слишком интересовался, насколько подготовлен народ к восприятию социалистических идей, - субъективно-идеалистическое мировоззрение давало себя знать! Но, тем не менее, он все же считал, что социализм невозможен без науки и что трудящиеся, не усвоившие социалистические идеалы, не в состоянии построить социалистическое общество.

Бакунин горячо оспаривал это. «Чернорабочий человек», говорил он, - «социалист именно по своему положению». «Существенная разница между образованным социалистом... и бессознательным социалистом из чернорабочего люда, состоит именно в том, что первый, желая быть социалистом, никогда не может сделаться им вполне, в то время, как последний, будучи вполне социалистом, не подозревает о том и не знает, что есть социальная наука на свете... Один знает, но не есть (т. е. не есть социалист - Г. В.), другой есть, но не знает. Что лучше? По моему *быть* лучше. Из отвлеченной мысли, не сопровождаемой жизнью и не толкаемой жизненной необходимостью, переход в жизнь, можно сказать, невозможен. Возможность же перехода бытия к мысли доказывается всею историею. Она доказывается именно историей чернорабочего люда»³⁹.

Вообще говоря, конечно лучше быть социалистом, чем не быть им. Но можно ли быть социалистом, не будучи знакомым хотя бы с общими выводами теории социализма? И социалистический ли инстинкт у русского мужика? Вот в чем вопрос.

Если бы Бакунин действительно знал русского мужика, если бы у него был опыт общения с ним, то такой нелепицы о

³⁹ Бакунин. Наука и насущное революционное дело. Женева, 1870. С. 13.

«социалистическом инстинкте» он бы не сказал. Но такого опыта в те годы, увы, не было – и не только у Бакунина, но и у основной массы русских революционеров. Поэтому теоретический спор, социалист ли «по инстинкту» мужик, никаких плодов дать не мог. Тогда это был вопрос веры, а не точного, опытного знания. Грандиозные «опыты» народничества были впереди. А вместе с опытом вопрос об инстинктах мужика решился легко и просто, и совсем не в бакунинском плане.